О НЕОБХОДИМОСТИ ИСКЛЮЧЕНИЯ ПРИЗНАКА ЛИЧНОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ ИЗ ДИСПОЗИЦИИ Ч. 1 СТ. 199.1 УК РФ

ON THE NEED TO EXCLUDE THE SIGN OF PERSONAL INTEREST FROM THE DISPOSITION OF PART 1 OF ART. 199.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

УДК 34

Немцев Сергей Витальевич, студент 1 курса магистратуры
ДВФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Хабаровск)
Арутюнян Сетрак Андраникович, студент 4 курса бакалавра
ДВФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Хабаровск)

Sergei Nemtsev, 1st year master's student Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice (Khabarovsk), Seto.ussur@mail.ru
Harutyunyan Setrak, 4th year bachelor student, Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice (Khabarovsk), Seto.ussur@mail.ru

Аннотация

В течение последнего десятилетия в научной среде неоднократно возникал вопрос о целесообразности оставления признака личной заинтересованности в диспозиции ч. 1 ст. 199.1 УК РФ в связи с его неоднозначным пониманием правоприменительными органами. В настоящей статье обосновывается необходимость его исключения как не имеющего юридического значения для установления признаков состава преступления в действиях виновного лица.

Summary

Over the past decade, the scientific community has repeatedly raised the question of the advisability of leaving the sign of personal interest in the disposition of Part 1 of Art. 199.1 of the Criminal Code of the Russian Federation due to its ambiguous understanding by law enforcement authorities. This article substantiates the need to exclude it as having no legal significance for establishing the elements of corpus delicti in the actions of the guilty person.

Ключевые слова: налоговые агент, личная заинтересованность, прямой умысел, общественная опасность деяния, правоприменительные органы.

Key words: tax agent, personal interest, direct intent, social danger of the act, law enforcement agencies.

Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) введена ст. 199.1, предусматривающая ответственность за неисполнение обязанностей налогового агента [1]. Принятие данной статьи было вызвано необходимостью дифференциации уголовной ответственности за преступления экономической направленности. Кроме того, ранее в условиях отсутствия данного состава преступления работодатели уклонялись от удержания и перечисления в бюджет сумм налогов на прибыль, на добавленную стоимость и на доходы физических лиц, тем самым избегали существенной доли ответственности за неисполнение своих обязанностей.

В соответствии с ч. 1 ст. 24 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) налоговыми агентами признаются лица, на которых в соответствии с НК РФ возложены обязанности по исчислению, удержанию у налогоплательщика и перечислению налогов в бюджетную систему Российской Федерации [2].

Соответствующая обязанность может быть возложена только на организации, которые осуществляют исчисление, удержание и перечисление сумм следующих налогов: НДФЛ (например, в случае выплаты физическим лицам зарплаты или иных доходов в денежной форме, в том числе по

гражданско-правовым договорам о выполнении работ, оказании услуг или авторским договорам), налога на добавленную стоимость (например, в случае приобретения у иностранного продавца, не состоящего на учете в налоговых органах Российской Федерации, товаров (работ или услуг), местом реализации которых признается территория РФ), налога на прибыль организаций (к примеру, при выплате дивидендов другой организации), а также налога на дополнительный доход от добычи углеводородного сырья. При этом подавляющая часть уголовных дел, рассмотренных судами, затрагивает именно НДФЛ, как наиболее часто встречаемый налог, уплачиваемый всем официально трудоустроенным населением России.

Одним из основных и наиболее проблемных аспектов данного состава преступления является установление в действиях лица наличия мотива – личной заинтересованности. Согласно п. 17 ранее действовавшего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» под личным интересом понималось стремление извлечь выгоду имущественного, а также неимущественного характера, обусловленную такими побуждениями, как карьеризм, протекционизм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса и т.п. [3].

Однако в п. 19 вновь принятого Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» сказано, что личный интерес как мотив преступления может выражаться в стремлении виновного лица извлечь выгоду имущественного или неимущественного характера [4]. Таким образом, ранее Верховный суд РФ указывал примеры выгоды неимущественного характера, что позволяло сориентировать правоприменительные органы, указывая частные случаи ее проявления, однако в настоящее время данные признаки исключены из постановления, что по

нашему мнению, может привести к неоднозначному пониманию данного признака сторонами обвинения и защиты в уголовном процессе, а также судом.

По итогу изучения судебной практики установлено, что в доказывании корыстного мотива виновного лица особых трудностей не возникает. Однако они проявляются при попытках доказывания некорыстных мотивов, когда лицо пытается извлечь выгоду неимущественного характера. При этом такие сложности характерны не только для данного рода преступления, а в целом для деяний, обязательным признаком привлечения к ответственности за которые является наличие «иной личной заинтересованности» (например, ст. 285, 292 УК РФ).

В ходе анализа практики рассмотрения судами уголовных дел по обвинению лиц в совершении преступлений, предусмотренных ст. 199.1 УК РФ, установлены следующие формы выражения корыстной заинтересованности:

1. Использование денежных средств, подлежащих перечислению в бюджеты бюджетной системы РФ, в хозяйственной деятельности организации для расчетов по хозяйственным договорам и другим, связанным с направлением высвобожденных денежных средств для решения финансовых проблем организации с целью увеличения основных и оборотных средств предприятия, фонда заработной платы;

2. Нежелание наступления гражданско-правовой ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств;

3. Стремление обеспечить себя и других работников стабильным доходом, премиями, пособиями и иными выплатами;

4. Нежелание возможного последующего расторжения гражданско-правовых договоров с заказчиками и кредиторами.

Некорыстная заинтересованность может выражаться в следующем:

1. Желание скрыть свою некомпетентность при осуществлении финансово-хозяйственной деятельности организации;

2. Желание приукрасить действительное положение организации;

3. Стремление создать видимое благополучие финансового положения организации;

4. Желание сохранить за собой руководящую роль и показать свою состоятельность как руководителя организации [5, 6, 7].

При этом, как правило, в приговорах суды перечисляют признаки как первого, так и второго вида личной заинтересованности, тем самым, в сущности, признавая, что практически в любом случае совершения преступления, предусмотренного ст. 199.1 УК РФ, виновное лицо будет иметь заинтересованность – и имущественную и неимущественную одновременно.

Можно согласиться с М.В. Кузьменцовой относительно того, что любое преступление совершается по тем или иным личным мотивам [8, С.138]. Преступник всегда имеет «личную заинтересованность» при совершении преступления, что также позволяет говорить о том, что соответствующий признак в диспозиции ст. 199.1 УК РФ является излишним. По смыслу данной нормы ответственность налогового агента наступает в том случае, если преступление совершается с прямым умыслом, то есть когда налоговый агент целенаправленно старается избежать уплаты денежных средств в бюджет с тем, чтобы прямо или косвенно использовать их для себя (п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48).

Доказывание стороной обвинения наличия у лица преступного умысла само по себе предполагает установление мотива совершения преступления, поскольку умысел подкрепляется и обосновывается им. Кроме того, в теории возможна условная ситуация, когда налоговый агент не перечисляет налоги (например, тот же НДФЛ) просто потому, что не желает ничего перечислять в бюджет государства, и при этом никоим образом не использует аккумулируемые им финансовые средства, то есть совершает так называемое «налоговое хулиганство». В таком случае доказать наличие личной заинтересованности практически невозможно, однако фактически налоговый агент умышлено, незаконно не перечисляет в бюджет налоговые платежи, в результате чего бюджет может не дополучать существенные денежные суммы.

Судебной практике известны случаи, когда якобы имевшая место недоказанность личной заинтересованности приводила к вынесению оправдательных приговоров. Например, в 2010 году в кассационной инстанции был отменен приговор районного суда Иркутской области от 07.10.2009 в отношении Ч., оправданного по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 199.1 УК РФ, за отсутствием в его действиях состава преступления.

Органами следствия Ч. обвинялся в том, что являясь директором общества с ограниченной ответственностью, принимая активное участие в управлении финансово-хозяйственной деятельностью предприятия, используя свои полномочия по праву распоряжения финансами предприятия, умышленно, из корыстных побуждений, уклонился от исполнения обязанности налогового агента по перечислению в бюджет НДФЛ, удержанного с заработной платы сотрудников фирмы в сумме 5 372 927 рублей за период деятельности предприятия с 2005 по 2007 год.

Определением судебной коллегии по уголовным делам Иркутского областного суда от 16.02.2010 приговор суда в отношении Ч. отменен в связи с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела и нарушением уголовно-процессуального закона. В нарушение требований ст. 305 УПК РФ суд не изложил в приговоре фактические обстоятельства, установленные судом в судебном заседании. После изложения обвинения, суд указал, что оно не нашло своего подтверждения, кратко изложил показания самого Ч., восьми свидетелей и сделал вывод, что сторона обвинения не представила в суд неопровержимых доказательств, с достоверностью подтверждающих виновность Ч. В основу оправдания суд положил отсутствие в действиях Ч. субъективной, а также объективной сторон преступления, предусмотренного ч.2 ст.199.1 УК РФ.

Отменяя указанный приговор, судебная коллегия указала, что суд, мотивируя отсутствие субъективной стороны, посчитал, что мотивы личного интереса, указанные стороной обвинения, голословны, надуманны, не

подкреплены никакими доказательствами, носят предположительный характер. Кроме того, суд первой инстанции пришел к выводу, что смешение личных интересов Ч. и интересов предприятия, в интересах которого он действовал, недопустимо. При этом он не учел того, что в Законе не раскрывается понятие личного интереса, который является обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 199.1 УК РФ, и признал отсутствие личного интереса, исходя только из того, что Ч. не тратил деньги фирмы на личные нужды. Данный вывод суда не соответствует п.17 Постановления Пленума Верховного суда РФ, согласно которому личный интерес как мотив преступления, может выражаться в стремлении извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленную такими побуждениями, как карьеризм, протекционизм, желание приукрасить действительное положение и т.п. [9].

Также можно привести следующий пример. Согласно Определению Верховного суда РФ от 21.12.2009, вынесенному по итогу рассмотрения надзорной жалобы Зайцева Ю.И., уголовное дело в отношении него было прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления. Согласно материалам дела Зайцев Ю.И. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 199.1 УК РФ, а именно в том, что будучи конкурсным управляющим ликвидируемого предприятия (ОАО), он принял решение о неперечислении организацией денежных средств, подлежащих уплате в бюджет РФ в качестве НДФЛ.

В надзорной жалобе помимо прочего осужденный ставил под сомнение выводы суда о совершении им преступления из личной заинтересованности, указывая, что сохранение за собой руководящей должности конкурсным управляющим противоречит как самим принципам этой работы, так и его личным интересам, поскольку основной задачей управляющего является максимальное удовлетворение требований кредиторов с последующей ликвидацией. Кроме того, несостоятельность ОАО была признана судом,

а, следовательно, «создания видимого финансового благополучия предприятия» не требовалось.

В своем определении Верховный суд РФ, согласившись с доводами защиты о том, что Зайцев Ю.И. действовал в условиях крайней необходимости., также указал, что каких-либо доказательств, что Зайцев стремился извлечь выгоду неимущественного характера, вызванную карьеризмом и желанием сохранить за собой руководящую должность, судом в приговоре не приведено. По смыслу закона личный интерес как мотив преступления может выражаться также в стремлении извлечь выгоду и имущественного характера. Однако в приговоре не приведены такие доказательства. Также по смыслу закона, неисполнение налоговым агентом обязанностей по правильному и своевременному исчислению, удержанию и перечислению в бюджет (внебюджетные фонды) соответствующих налогов, предусмотренных законодательством РФ о налогах и сборах, не образует состава преступления, предусмотренного ст. 199. 1 УК РФ, если указанные действия не были связаны с его личными интересами.

Кроме того, уклонение от уплаты налогов возможно только с прямым умыслом с целью полной или частичной их неуплаты. Однако в приговоре не приведены какие-либо доказательства того, что, поддерживая финансово-хозяйственную деятельность предприятия, Зайцев Ю.И. имел умысел на полную или частичную неуплату в бюджет (внебюджетные фонды) соответствующих налогов, предусмотренных законодательством РФ [10].

При анализе описанных приговоров, а также иных приговоров по данной категории дел можно заметить, что органы следствия, в целом, аргументируют наличие личной заинтересованности одними и теми же признаками, которые были указаны выше, и при схожих обстоятельствах дела. Только в одних случаях суды признают данные признаки проявлением личной заинтересованности, а в других – нет. И данная неопределенность не устранялась не предыдущим, ни действующим в настоящее время постановлениями Пленума Верховного суда РФ.

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 199.1 УК РФ, состоит в том, что именно в результате незаконных действий лица государственный бюджет недополучает налоговые платежи. Тогда по какой причине необходимо искать мотив совершенного преступления? Вероятно, он может быть признан смягчающим обстоятельством, однако какую роль он будет играть для квалификации деяния? Какое имеет значение, для личного обогащения, для аккумулирования денежных средств и обеспечения финансового благополучия предприятия, для создания образа грамотного и квалифицированного руководителя или иных причин налоговый агент не перечисляет налоговые платежи? Ведь главное то, что фактически они не перечисляются, а значит наносится материальный ущерб бюджетной системе. И анализируя описанные выше судебные решения, можно отметить, что приговоры нижестоящих судебных инстанций отменялись не потому, что главной причиной являлась недоказанность личной заинтересованности. В первом случае главной причиной вынесения оправдательного приговора явилось недоказанность, как посчитал суд первой инстанции, объективной стороны состава преступления. Во втором – недоказанность прямого умысла на совершение преступления. И в обоих случаях вышестоящие судебные инстанции в своих решениях давали оценку личной заинтересованности только потому, что ее необходимо было дать, поскольку она является обязательным элементом состава преступления.

Можно согласиться с мнением И.Н. Соловьева, утверждавшего, что личный интерес как мотив неисполнения обязанностей налогового агента подлежит исключению из диспозиции ст. 199.1 УК РФ. По его мнению, «можно со всей ответственностью говорить, что закрепление в ст. 199.1 УК РФ такого признака неисполнения обязанностей налогового агента, как личный интерес стало серьезнейшей проблемой для правоприменительной и судебной практики в силу своей сложности и неопределенности. Все досужие разговоры о том, что личный интерес в данном случае отражает общественную опасность данного вида деяния, не выдержали проверки временем и правоприменительной

практикой» [11, С. 170]. В связи с этим считаем целесообразным и обоснованным внесение изменений в ч. 1 ст. 199.1 УК РФ в части исключения из ее диспозиции признака «в личных интересах».

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.06.2020). Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL // http://www.consultant.ru (дата обращения 04.07.2020);
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 01.04.2020). Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL // http://www.consultant.ru (дата обращения 04.07.2020);
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления». Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL // http://www.consultant.ru (дата обращения 04.07.2020);
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления». Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». URL // http://www.consultant.ru (дата обращения 05.07.2020);
5. Приговор Промышленного районного суда г. Оренбурга от 10.04.2017 по уголовному делу № 1-21/2017 (1-453/2016). URL // http://sud-praktika.ru/precedent/342351.html (дата обращения 05.07.2020);
6. Приговор Ленинского районного суда г. Красноярска от 16.02.2017 по уголовному делу № 1-159/2017 (1-960/2016). URL // http://sud-praktika.ru/precedent/298933.html (дата обращения 05.07.2020);

7. Приговор Московского районного суда Санкт-Петербурга от 30.08.2017 по уголовному делу № 1-554/2017. URL // http://sud-praktika.ru /precedent/395444.html (дата обращения 05.07.2020);
8. Кузьменцова М.В. Проблемы квалификации неисполнения обязанностей налогового агента // Государственная служба и кадры. 2018, № 2. С. 138.
9. О результатах изучения судебной практики по уголовным делам о неисполнении обязанностей налогового агента (статья 199.1 УК РФ). URL // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/34637408/ (дата обращения 05.07.2020);
10. Определение Верховного суда РФ от 21.12.2009 по уголовному делу № 29-Д09-8. URL // https://dogovor-urist.ru/ (дата обращения 05.07.2020);
11. Соловьев И.Н.: Личный интерес в неисполнении обязанностей налогового агента как мотив преступления должен быть исключен // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019, № 3. С. 170.

Literature

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as revised on 08.06.2020). Reference and legal system "ConsultantPlus". URL // http://www.consultant.ru (date of treatment 07/04/2020);
2. Tax Code of the Russian Federation (part one) of July 31, 1998 No. 146-FZ (as revised on April 1, 2020). Reference and legal system "ConsultantPlus". URL // http://www.consultant.ru (date of treatment 07/04/2020);
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 28, 2006 No. 64 "On the practice of application by courts of criminal legislation on liability for tax crimes." Reference and legal system "ConsultantPlus". URL // http://www.consultant.ru (date of treatment 07/04/2020);
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 26, 2019 No. 48 "On the practice of the courts' application of legislation on liability for tax crimes." Reference and legal system

"ConsultantPlus". URL // http://www.consultant.ru (date of treatment 07/05/2020);

5. The verdict of the Industrial District Court of Orenburg of 10.04.2017 in criminal case No. 1-21 / 2017 (1-453 / 2016). URL // http://sud-praktika.ru/ precedent / 342351.html (date of treatment 07/05/2020);
6. Sentence of the Leninsky District Court of Krasnoyarsk dated 16.02.2017 in criminal case No. 1-159 / 2017 (1-960 / 2016). URL // http://sud-praktika.ru/precedent/298933.html (date of treatment 07/05/2020);
7. Sentence of the Moskovsky District Court of St. Petersburg dated 08.30.2017 in criminal case No. 1-554 / 2017. URL // http://sud-praktika.ru /precedent/395444.html (date of treatment 07/05/2020);
8. Kuzmentsova M.V. Problems of qualification of failure to fulfill the duties of a tax agent // State Service and Personnel. 2018, No. 2.P. 138.
9. On the results of the study of judicial practice in criminal cases on failure to fulfill the duties of a tax agent (Article 199.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). URL // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/34637408/ (date of treatment 07/05/2020);
10. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation from 21.12.2009 in a criminal case No. 29-D09-8. URL // https://dogovor-urist.ru/ (date of treatment 07/05/2020);
11. Soloviev IN: Personal interest in failure to fulfill the duties of a tax agent as a motive for a crime must be excluded // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019, No. 3.P. 170.